

СИМВОЛИКА ЧИСЛА «ОДИН» И ЧИСЛА «ДВА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛОКАТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

Янковская С. А.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Русская народная традиция больше тяготеет к слову, нежели к числу. Определенная числовая символика, набор священных чисел, повторяющихся в разных образах и несущих определенный смысл, есть в различных жанрах устного народного творчества (и в сказках, и в былинах, и в житиях святых и др.). Эти числа не только рисуют нам уникальную картину русского мироздания, упорядочивая его, но и просто содержат в себе культурный код.

Символика числа «один» представляет особый интерес. Практически во всех культурах число «один» символизирует начало, первичное единство, нечто центральное и неразделимое. Пифагорейцы считали, что единица – это первичный пункт каждого вычисления. Приверженцы конфуцианства считают цифру 1 мистическим центром, из которого и произошёл наш мир.

В русской народной традиции «один» встречается крайне редко. Например, образ Аники-воина, который выезжает в чисто поле, чтобы биться с врагом одному. В христианской культуре число «один» – это символ единства, совершенной целостности: един Бог, един космос (Вселенная).

При всем многообразии понимания локативности (значения ‘место’, ‘пространство’, ‘территория’, ‘учреждение, организация’, ‘помещение’, ‘сооружение’, ‘сосуд’, ‘вместилище’, ‘направление, путь’) в системе русских народных говоров производные локативы с корневой морфемой **один-** (**одн-**) в большинстве своем выражают семантику ‘дом, изба, двор’. Сравните:

одинёц ‘единственный дом на выселке’ [1, вып. 23, с. 29];

одностénка ‘однокомнатный дом’ (1-ое знач.) [1, вып. 23, с. 53];

одножёрка ‘изба, одноэтажный дом’ [1, вып. 23, с. 40] и др.

Возможно, это обусловлено тем, что число «один» означает не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство, нечто центральное и неразделимое. А значит в языковой картине мира носителей русских народных говоров целостность и единство отождествлялись с домом как символом семьи, домашнего уюта, родства.

Также в Словаре русских народных говоров имеют место локативы с данной корневой морфемой, выражающие семантику ‘сосуд’, ‘вместилище’:

однору́чник ‘деревянная чаша с ручкой’ (3-е знач.) [1, вып. 23, с. 49];

одноу́шка ‘корзина для переноски сена’ [1, вып. 23, с. 38];

одноу́шка ‘большая круглая корзина с одним ушком для переноски травы, сена, соломы на спине’ [1, вып. 23, с. 55].

Что касается словообразовательных возможностей числительного «один» в русских народных говорах, то можно отметить незначительное количество

суффиксальных образований с локативной семантикой (5 единиц) и достаточно разнообразное количество производных локативов, образованных сложением и сложением с суффиксацией (18 единиц) [1, вып. 23, с. 26–55]. В морфемной структуре локативов, образованных суффиксальным способом, обнаруживаются следующие аффиксы:

-арка: *одинáрка* ‘изба из одной комнаты’ (7-ое знач.) [1, вып. 23, с. 26];

-ец: *одинéц* ‘единственный дом на выселке’ [1, вып. 23, с. 29];

-очк(а): *одинóчка* ‘изба из одной комнаты’ (5-ое знач.) [1, вып. 23, с. 31–32].

Среди сложно-суффиксальных локативных существительных с первым компонентом **одн-** имеют место разноаффиксные кодериваты, выражающие идентичную семантику:

‘род хутора’ – *однодвóрка, однодвóрок, однодвóрник* [1, вып. 23, с. 39];

‘одиночное поселение, одиночный двор’ – *односéлок, односéлье* [1, вып. 23, с. 52].

В отдельных случаях идентичную семантику представляют также производные единицы, второй компонент которых – различные корневые морфемы: ‘однокомнатный дом’ – *одностéнка* и *одностóпка* [1, вып. 23, с. 53].

В рамках одного словообразовательного гнезда производных локативов с первым компонентом **одн-** находим производные локативы с идентичной семантикой, но имеющие различные грамматические показатели рода:

одножírка и *одножíрок* ‘изба, одноэтажный дом’ [1, вып. 23, с. 40];

односторóнка и *односторóнок* ‘улица, состоящая из одного ряда домов, застроенная с одной стороны’ [1, вып. 23, с. 53].

Интересным фактом является и то, что от порядкового числительного «первый» в Словаре русских народных говорах зафиксировано лишь 2 единицы с локативной семантикой (*первóтина* и *первопóут* [1, вып. 26, с. 7, 12]). Причем данные единицы выражают локативное значение ‘путь’, ‘дорога’, ‘направление’:

первóтина ‘дорога по первому снегу’ [1, вып. 26, с. 7];

первопóут ‘первая зимняя дорога по свежему снегу’ [1, вып. 26, с. 12].

Число «два» в общем понимании символизирует двойственность. Идея и символика двойственности в целом не характерны для русской культуры, особенно в христианский период её существования. Однако в язычестве ее присутствие гораздо более заметно и проявляется, например, в образах Чернобога и Белобога, Ивана и Купалы, олицетворявших собой две половины года. Идея чета и нечета выражала собой соотношения правого и неправого начал. Славянскую мифологию пронизывала идея борьбы таких начал, как Жизнь и Смерть, живая и мертвая вода, Права и Кривда. Можно привести многочисленные примеры парности, определяющие во многом сознание и современного человека: день и ночь, утро и вечер; небо и земля; добро и зло.

В составе словообразовательного гнезда числительного «два» в русских народных говорах, как и числительного «один», преобладают сложно-суффиксальные локативы (общее количество сложно-суффиксальных локативов в Словаре русских народных говоров – 14 единиц; суффиксальных единиц – 3).

Первым компонентом таких сложно-суффиксальных единиц являются количественное числительное **два** в форме Родительного падежа или собирательное числительное **двое**:

двуетаж ‘второй этаж’ [1, вып. 7, с. 305];

двудóнок ‘посудина с двумя днами (напр., бочка) или с двойным дном (напр., кадка для кваса)’ [1, вып. 7, с. 305];

двоепóлка ‘двухэтажный дом’ [1, вып. 7, с. 288] и др.

Диалектные производные локативы с первым компонентом **дв-** и **двое-** также в большинстве своем выражают семантику ‘дом, изба, двор’:

двоежёрка ‘двухэтажный дом’ [1, вып. 7, с. 287];

двуды́мок ‘изба с двумя трубами, печами’ (2-ое знач.) [1, вып. 7, с. 305].

Кроме этого, производные-отнумеративы с компонентами **дв-** и **двое-** представляют семантику ‘сосуд’, ‘вместилище’:

двоедóнка ‘наглухо заделанная бочка с небольшим закрывающимся отверстием для храпения муки и зерна’ [1, вып. 7, с. 287];

двудёнок ‘двудонный сосуд для хранения питьевой воды во время полевых работ’ [1, вып. 7, с. 305];

двудóнка ‘посудина с двумя днами (напр., бочка) или с двойным дном (напр., кадка для кваса)’ [1, вып. 7, с. 305] и др.

Значения ‘место’, ‘пространство’, ‘территория’ в составе словообразовательного гнезда числительного «два» представлено лишь одной единицей: *двухсторонка* ‘улица, застроенная домами с обеих сторон’ [1, т. 7, с. 310].

В составе фрагментов словообразовательного гнезда числительного «два» обнаруживаются суффиксально-сложные локативы, выражающие идентичную семантику, но отличающиеся своим вторым компонентом:

‘двухэтажный дом’ – это *двоежёрка*, *двоепóлка*, *двужёра*, *двукрóвок* [1, вып. 7, с. 285–310].

Интересным фактом является присоединение к разным числительным одних и тех же лексем при образовании сложно-суффиксальных производных локативов в говорах. Сравните, например, локативы *односторóнка* и *двухсторонка*, *одножёрка* и *двоежёрка*:

односторóнка ‘улица, состоящая из одного ряда домов, застроенная с одной стороны’ (1-ое знач.) [1, вып. 23, с. 53] и *двухсторонка* ‘улица, застроенная домами с обеих сторон’ [1, вып. 7, с. 310];

одножёрка ‘изба, одноэтажный дом’ [1, вып. 23, с. 40] и *двоежёрка* ‘двухэтажный дом’ [1, вып. 7, с. 287].

Таким образом, в языковой картине мира носителей русских народных говоров производные локативы, образованные от числительных «один» и «два», отождествляются с домом как символом семьи, единства и целостности. В составе словообразовательных гнезд данных числительных преобладают сложно-суффиксальные производные с локативной семантикой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Словарь русских народных говоров: в 47 вып. – М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований РАН. – 1965–2014. – Вып. 7, 23.